

МАТЬ-И-МАЧЕХА

Я начинал уже писать этот очерк, но увлёкся автобиографическими деталями и ушёл от темы. Хотя уйти от личностного изложения невозможно, но хотелось бы рассказать через свои чувства и впечатления про определенную тему. А не о себе, родимом, живописать.

Мать и мачеха – что это? Россия – это мать, а Чехия – мачеха. Как так получилось? И что лучше? Вопросы, вопросы.... Где найти истинные ответы? Попытаюсь, но это лишь мои размышления, которые не являются Истиной в последней инстанции. Однако будут, возможно, любопытны кому-то....

Итак, попал я впервые в Прагу в середине девяностых. Ни сном, ни духом не думая здесь оказаться. Случайно. Но «в каждой случайности есть закономерность» - такую банальность часто повторяют люди, пытающиеся казаться мудрыми.

Сжатый российским бизнесом девяностых как пружина, не видевший ранее за границы, кроме Прибалтики, очутился я вдруг в сказочной Праге. Упс-ёбс, как обухом по голове. Тишина, спокойствие и отсутствие уличной грязи. Люди улыбаются, авто на пешеходном переходе останавливаются. Для меня это была настоящая заграница, без кавычек. Как губка, с еще не убитой до конца российской действительностью душой художника, я впитывал окружающую пражскую красоту. Голова кружилась, в душе бурлило крепкой бражкой неприятие всего, что осталось дома. Мнение ещё не выстоялось, не выбродило, не стало убеждением.

Глядел на аккуратные домики, старые улочки, милых людей, готовых в любую минуту помочь советом, и через душу в сознание подкрадывалась мысль, что можно жить по-другому: без хамства, без зависти, без злобы. Что не нужно совершать ежедневные подвиги лишь потому, что ты существуешь. Мысли и чувства кружились сибирской метелью, не давая спать в комфортабном пятизвездочном отеле.

Так пролетели три недели, что были отпущены на знакомство с Европой. Но всё заканчивается и наступает неизбежное. Москва ударила хлёткой плёткой по моей уцелевшей человеческой природе, ударила своей жесткостью и конкретикой. Я смотрел пустыми, невидящими глазами на пролетающие мимо дорогие машины, на сверкающие небоскребы, выросшие как грибы после золотого нефтяного дождя, пролившегося вдруг на Россию. Не трогало это величие душу, а наоборот, казалось бездушным и пустым.

Я сидел в дорогом кафе и бессмысленно смотрел вдаль, в голове родился образ, что опять превращаюсь в кактус, внутри нежный, зелёный, и красиво цвести могу по весне, но с огромными острыми ядовитыми колючками, чтоб не сожрали. А не хочется колючки выпускать, совсем не хочется. Но придется, впереди Сибирь, родной дом.

Чехия и Прага поразили настолько сильно, что мой внутренний генератор созидания попросту сел или сгорел. Не хотелось ничего делать, и видеть никого не хотелось. А приходилось, дела не бросишь. Я смотрел в водянистые глаза очередного спортсмена-братка, что-то пытавшегося доказать «в натуре, по бизнесу», которого выводили из себя мои спокойствие и отстраненность. А я попросту был не здесь. Душа осталась в Праге.

Так прошли недели полторы. Все события воспринимались тяжело и с болью. Я впал в какую-то пражскую кому наяву.

Наступил Новый год. Чтобы не видеть радующихся неизвестно чему и перепившихся от избытка чувств моих сограждан, в новогоднюю ночь я лег спать. Очередная девушка, разделявшая мое предпринимательское одиночество, непонимающе смотрела на меня и задумчиво стояла у окна. А на столе горели свечи. Сегодня, спустя много лет, мне её очень жаль, а тогда...

Им всем было не понять, что когтистая Прага царапнула меня до крови, до мяса по самому нежному, внутреннему, розовому. Жить без нее, без колдовской, я уже не мог.

Новый год ещё ходил-бродил пьяной поступью по нашей необъятной Родине, а я уже сидел в самолете, собрав все имеющиеся в казне предприятия наличные средства и наскоро дав распоряжения замам – «правой и левой руке». С тем и отбыл прорубать окно в Европу.

Замы поняли это по-своему, и к моему возвращению справедливо и «по-братски» разделили всё нажитое имущество. А для того, чтоб всё было чисто, «слили» меня братве. Но это было после, отрезвление, так сказать. А впереди была Прага. Она манила своими зимними туманами и звала к себе.

Вот колёса самолета касаются асфальта Рузине. Наконец-то. Визового режима тогда не было, как не было и хотя бы одного хорошего знакомого. Но мечта наяву не может быть негостеприимной. Я поселился в уютном отеле - пансионе у чеха, который говорил сносно по-русски и постоянно ругал свою непутевую жену - «манжелку», напутствуя меня, чтоб я не женился.

Это, наверное, самое беззаботное время в моей жизни. Четыре месяца я впускал в себя эту страну, людей, образ жизни. Я гулял, разговаривал, купаясь в атмосфере и упиваясь красотой и своими ощущениями. Сказочные дни. Я мог бесконечно бродить по улочкам, присаживаясь передохнуть где-нибудь в ресторанчике или скверике. Казалось, в прошлой жизни я уже бывал здесь.

Чешское общество тогда тоже было в эйфории. Чехия – свободна, в стране демократия и рынок. Ура, мы теперь не покупаем нефть у России, Италия теперь поставляет как полноправному европейскому партнеру (как потом оказалось, российскую в полтора раза дороже). Но тогда... Тогда всюю ещё носился по улицам призрак «чешской политической весны», и иностранцев здесь ещё было мало. Коммунистический налет ещё не сошел с серых зданий, но в воздухе носились радость и надежда.

Красочные и красивые сны заканчиваются как-то разом. Как правило, от чьего-то вмешательства: то кот прыгнет, играя, то сосед заорёт не вовремя. У меня же закончились деньги. Мои замы на телефонные звонки не отвечали.

В Россию я ехал с такой же охотой, как Джордано Бруно шёл на костёр, но всё же легче, чем при первом расставании. Теперь в моей душе остались четыре месяца блаженства. Я старался не думать о том, что ждёт меня на Родине. Если Прага была сказкой, то

возвращение стало триллером Стивена Кинга. Это другая история, хотя они взаимосвязаны, но об этом иной сказ. Скажу лишь, что было очень тяжело. Много ушло сил, чтоб отыграть у жизни реванш. О Праге пришлось на время забыть, закупорить и запечатать память в глубины души в сургучную обертку, чтоб кто случаем не заляпал мечту грязными пальцами.

Хорошее быстро заканчивается, плохое же кажется бесконечным. Но и оно проходит, как любил приговаривать царь Соломон. Отыграл я былые позиции, не сказать больше, взлетел социально очень высоко, только пуля и могла достать.

Враги и предатели наказаны. А в душе вакуум, как в коллайдере швейцарском, лишь мысли летят, как фантомы. На свою суть человеческую надел непробиваемый скафандр, напоминая себе Железного Феликса без страха и упрека. Не жизнь – война гражданская. Никаких слабостей.

И вот как-то под Новый год достал из дальнего закоулочка души мечту свою засургученную. Развернулась мечта цветком сказочным, но подёрнулась туманом времени. Чтоб стряхнуть эту временную пыль, заказал я, никому не говоря, тур на две недели в Прагу. И, встретив нелюбимый с тех самых пор Новый год в Москве, прибыл в первый январский день в ненаглядную Прагу.

С ровным уже душевным восторгом встретился я со сказочным городом. Гуляя по полюбившимся местечкам, здоровался с ними, как с давними друзьями, лелея надежду, что когда-нибудь вернусь сюда навсегда. Именно вернусь!

Но времени теперь лишь на прогулки не тратил. Нашел чешского адвоката, который занимается эмиграцией и говорит по-русски. Без просьб положил на стол триста баксов за консультацию. Отчего адвокат как-то сразу проникся глубоким уважением к моему желанию получить вид на жительство в Чехии. Когда же я отсчитал «с шапочкой» зеленые за весь пакет услуг, то адвокат стал беседовать со мной совсем без акцента.

Дельный чех оказался, через короткое время, прилетев всего на один день, я получил заветную зелёного цвета корочку - внутренний чешский паспорт иностранца.

И опять спрятал материализованную мечту в самый дальний угол. Останусь жив - вернусь сюда обязательно. Выделив адвокату денежек на все случаи, чтоб поддерживал мой статус-кво в Чехии, я отбыл в родные края. Туда, где иногда гибли партнеры по бизнесу, где ситуация могла измениться в один день, где власть и братва гуляют по просторам Родины, делая одинаково мерзкие вещи. Но это была моя жизнь, и нужно быть сильным, бесстрастным и не иметь слабостей.

Прага покрылась туманом нереальности и недостижимости, только зелёного цвета билет в другую жизнь грел душу в редкие мгновения дум о будущем.

Шло время, день и ночь я отдавал своему делу, очень преуспев на бизнес-поприще.

Но социальная почва родины вулканического, наверное, происхождения, потряхнуть беспричинно может в любой момент. Так и вышло. Резко начали меняться привычные

тектонические пласты экономики, к которым приспособливали свою деятельность предприниматели.

В губернаторы неожиданно пришел боевой генерал, а армией его стала гигантская бригада главного краевого бандита, который отстрелил почти всех своих конкурентов. Вот эта парочка начала большой передел собственности. Жёстко и без дипломатии стали делить.

Предпринимателей губернатор воспринимал, видимо, за ненавистных ему молдаван или душманов, зачищать начали «по-серьёзному». Я успел выскочить живым. Не ту машину прошили очередью.

Здравствуй, милая Прага! Теперь я сюда, возможно, навсегда. Но красоты не трогали уже душевные струны, нежная утренняя дымка не радовала глаз. Европейский покой и умиротворение лишь успокаивали и лечили опустошённую душу, но не наполняли восторгом. Мысли были там, на Родине. Защитный панцирь, что я себе нарастил, надёжно защищал и от «света».

Но ничего не поделаешь, нужно принимать новую жизнь, авось здесь не достанут. Благо деньги на жизнь до старости есть, нужно лишь только перечислить как-то сюда.

Дни пошли за днями. Обустройство. Попытка учить язык. Адаптация. Тяжело понимаются местные устои и правила ведения дел. Напоминаю себе фронтовика, вернувшегося в мирную жизнь. Идей никаких. Желаний никаких.

Говорят, что если у матери много детей, то больше всего достается шлепков любимому чаду. Не знаю....

Видимо, меня Родина-мать очень любила. Не успел я перевести деньги, случился дефолт.

Мои запасы на «черный день» в государевых казначейских обязательствах крутились, потому и не мог быстро перевести. Всё – занавес. Избавила Родина и от благосостояния. Неведом мне высший замысел; чтоб, видимо, закалённей и крепче стал. «Гвозди бы делать из этих людей, не было б крепче в мире гвоздей» - сказал как-то классик советской поэзии.

Что ж, посчитав свои наличные, пришел к выводу - на год скромной жизни хватит, а там видно будет.

И потекли, как молочный кисель, дни за днями, без вкуса и запаха. Впереди неизбежной черной дырой маячила Родина. Чувства как у смертника, который коротает положенные на обжалованье законом два года. Прага успокаивает, но уже не лечит, ведь впереди неизбежный отъезд. Что меня там ждёт? Пока же живём.

Мыслей попытаться здесь зацепиться даже не возникает, не та ситуация.

Так и прошло время, отпущенное мне. Тик-так. «Сколь веревочка ни вейся, а совьёшься ты в петлю». Прощай, Прага! Ты опять дала короткий приют, но Родина меня не отпустила. Если буду жив, то обязательно вернусь!

Провал. Чёрные годы. Описывать здесь события не имеет смысла. Это целый роман-детектив. Переосмыслены все стороны человеческого бытия, рядом с тюрьмой и смертью понимаешь истинный вкус жизни. Но вот всё позади. Губернатор и бандит не избежали гораздо более печальной участи, высшая арифметика сработала. Но это уже не радует.

В эти годы найден тот внутренний философский баланс, который позволяет счастливо жить всюду и уметь радоваться жизни в любых ситуациях. Трудности уже совершенно не страшны. Прага осталась лишь в романтических воспоминаниях. Глаз видит красоту и в покосившихся заборчиках, и в несуразной бабушке, торгующей семечками. Внутренняя гармония находит прекрасное повсюду.

Разум же отточен решением былых ситуаций, как бритва, что позволяет зарабатывать необходимые для полноценной жизни деньги без лишних усилий, легко, играючи. Желания иметь большие капиталы более не возникает, пришло иное понимание ценности жизни. Чехия маячит где-то уж очень далеко, как приснившийся давным-давно мираж.

Жизнь течёт веселым весенним ручейком, радуя своей самодостаточностью.

И я пью этот дар по глоточкам, смакуя и причмокивая от удовольствия. Как объяснить всё это недовольным всем и вся людям, как научить их радоваться жизни и уметь быть эквилибристом в решении жизненных вопросов – я не знаю. Но очень хочется, ведь это, наверное, единственный способ жить счастливо в этой стране. Если бы все так могли! Увы, это утопия, так как по высшей злой воле запущена машина саморазрушения общества. Жаль тебя, моя Родина. Ты – хорошая. Но тебя изуродовали. Изуродовали мы сами, но боимся в этом признаться. И остановить это действие невозможно.

Чехия появилась вновь на горизонте совсем неожиданно. Меня попросили оказать помощь в делах. Не скажу, что я ехал с большой охотой, но было интересно взглянуть новым взглядом на предмет былых дум и мечтаний. Ведь прошло столько лет, изменился я сам, изменилось отношение к окружающему миру.

Была запаздывающая весна, Прага встретила непрерывным ветром, который выл каждый день. Такой весны я здесь более не видел.

Былого щемящего восторга и след простыл, но было интересно,одновременно тянуло магнитом в Сибирь. Красота радовала глаз, но не трогала до глубины души. Разум автоматически сравнивал два мира, два образа жизни. Всё хорошо здесь, всё разумно, но какое же всё чужое.

Подумав, я запустил вновь оформление вида на жительство, не понимая, зачем и для чего. Пусть, как говорится, будет.

Две недели пролетели быстро. Ох, как я радовался, вернувшись домой. Какая природная мощь, сила.

Жизнь шла полноводной рекой, Чехия вспоминалась лишь как далекая красивая картинка. Наверное, было нужно увидеть былую мечту, чтоб отпустить её из дальнего уголка души на волю.

В один прекрасный момент я размышлял о таком понятии как «зона комфорта». Россия стала моей зоной комфорта. А Чехия, наоборот, представлялась как чужая территория. В своих умозаключениях я пришел к выводу, что нужно покинуть привычную среду, дабы оказаться в трудных условиях и закалить свой дух. Ведь и мягкая Европа может быть испытанием. Вспомнился фильм «Побег из Шоушенка», где помилованный старик, попав из тюрьмы на свободу, в итоге повесился. Не смог он привыкнуть к свободе и комфорту.

Так и я. Давно понял, что живу и рожден в гигантской колонии-поселении. Где свои, непонятные остальному миру правила жизни, где не нужно искать здравый смысл в окружающей действительности, ибо он отсутствует. Надеяться и рассчитывать нужно лишь на собственные силы и возможности. За годы непростой жизни выработалась философская платформа.

Но лисичка-мысль не давала покоя: «Здесь ты у себя, а слабо одолеть чуждую систему, вжиться в иной мир? То-то, - слабо». Такими мыслями я грыз себя. Но последовало деловое предложение, нужно было решиться и сделать выбор. Ну что ж, покинем привычную зону комфорта.

И вот я опять в Праге. Зима. Хожу, смотрю, впитываю атмосферу. Не идёт Европа в душу. Всё чужое. Через месяц, признавшись себе, что оказался всё-таки слаб – сбегая. Но мужская гордость не дает покоя: «столько ты прошел в жизни, а Европу одолеть не смог». И грызут, грызут подлые мыслишки. Нет уж, не сдадимся! Родина-мать сделала нас сильными и выносливыми. Выдержим.

Через два месяца возвращаюсь в Прагу. Бросаюсь с головой в дела, чтоб некогда размышлять было. Учю пять раз в неделю язык. Не даётся. Бросаюсь в людской водоворот. Много общаюсь с соотечественниками и чехами. Пропускаю через сито души тоннами информацию. Дни летят, как стрижи.

Изучаю отношение к жизни соотечественников: «А мне здесь нравится...» Почему-то напоминают пингвинов, перенесших свое тело в комфорт и безопасность. С пониманием отношусь к ним, у кого-то дети и беспокойство об их будущем, у кого-то кончились силы бороться с надзирателем-государством. У всех разные причины, почему они оказались здесь, но большинство в поиске стабильной и комфортной жизни.

Детально вникаю в жизнедеятельность европейской системы. Всё либерально, но жёстко. Законопослушность вырабатывалась тысячелетиями. Из-за этого все аборигены похожи друг на друга, как близнецы. Поведение их предсказуемо в той или иной ситуации.

Государственная система устроена разумно и отлажена хорошо, за небольшими исключениями. Исключение – всё, что касается иностранцев. Здесь идёт бесконечная реформа правил, нежеланны мы здесь.

Чуть погрузившись в чешское общество, понимаю, что упираюсь в ватную стену. Не впустит оно в себя, каким бы культурным и воспитанным я не был. Я – иной.

Идеальная страна для Одиночества. Соблюдай правила социального общежития и никому до тебя дела нет. А ведь точно! Тот давний год, что я прожил здесь, был наполнен

одиноким, и никто меня не беспокоил, не считая кокаинового дилера. Он, видимо, видя моё состояние, мечтал посадить на дозу. Наивный...

Проходит год. Маленький пяточок своего пространства растоптан. Я вжился. Но душе покоя нет. Нет друзей, нет глубоких отношений. Всё мелко, прозаично и скучно.

Каждый соотечественник занят своими делами. Чехи - они вообще в себе и для себя. Идеальная, не произносимая вслух, их мечта, чтоб не было здесь иностранцев, но чтоб они имели все блага, что даёт им пребывание в Европейском сообществе. Ан нет, так не бывает, ребята. Мы – перелётные птицы демократии - вынуждены будем вас потеснить, нравится вам это или нет. Не бывает мёда без пчёл.

Ухожу в себя. Ловлю тот плюс, что даёт Европа. Не мешая никому своим присутствием, живу. Что у меня на душе, никого не интересует. Вылетаю дважды для сравнения в Россию. А нечего сравнивать, хотя и похожи мы, но это обманчивая похожесть. « Да, скифы - мы, да, азиаты - мы». Другая цивилизация. Пора бы давно перестать смотреть на Европу и пытаться подражать. Лучше было бы в себя взглянуться в своё время и не уничтожать лучшее.

Перемещаюсь между цивилизациями без всяких психологических проблем, как бывало ранее, внутри работает переключатель на разную частоту восприятия. После Европы ничего на Родине не раздражает. Два разных мира и всё.

Проходит ещё год. Внутренняя задача выполнена. Я смог понять, осознать и состояться здесь, в Чехии. «Мачеха» не испытывает на прочность, не проверяет твои силы за пределами нагрузками. Всё просто у неё: принимай правила игры и следуй им. Живи, трудись и поменьше думай. Наслаждайся и потребляй. Если не принимаешь эти правила или не можешь им следовать, то тебя выставят рано или поздно за дверь.

Делать мне здесь более нечего. Смог, поставил галочку в черед своих побед над собой, и на Родину пора. Завершу дела и: «До свидания, мачеха, я тебе очень признателен, но полюбить тебя не смогу, чужая ты, хоть и дала мне уют не единожды, но пора и честь знать».

С такими мыслями я уже собирался в дорогу, но «мачеха» ли или Судьба, в общем, какая-то неведомая высшая сила опять заложила зигзаг. Встретил здесь свою Половинку, которая не мыслит себе жизни в России. Придется теперь в полной мере стать частицей «и», которая соединяет части слова «мать-и-мачеха». Но это уже другая история...